

«Proglas k svetemu evangeliju» Р. Нахтигала (1943). Опыт реконструкции текста

Марчелло Гардзанити

Флорентийский Университет, Флоренция

Среди важнейших исследований о Прогласе к святому евангелию несомненно находится работа Р. Нахтигала (1943). В его публикации словенский ученый представляет издание этого произведения по южнославянским и восточнославянским рукописным свидетельствам и тщательную реконструкцию текста с подробным филологическим толкованием. Затем следуют фонетическая транскрипция и словник реконструированного текста. В свете последующих исследований и подробной интерпретации старославянского произведения, автором которого большинство исследователей считают самого Константина-Кирилла, представляется реконструкция Нахтигала и излагаются еще открытые вопросы в изучении возможно первого стихотворного произведения на старославянском языке.

Ключевые слова: Проглас к святому евангелию, церковнославянская литература, кирилло-мефодиевская миссия, церковнославянская библия.

Проглас святого Евангелия (далее – Проглас), будучи текстом очень кратким, привлекал постоянное внимание ученых с момента своего открытия в 1844 г.¹ Произведение много раз публиковалось и делались неоднократные попытки воссоздать его оригинальную форму и интерпретировать его значение.²

Значительный вклад в эту реконструкцию вносит обширное исследование Р. Нахтигала, вышедшее в годы второй мировой войны (Nahtigal 1943). В своем исследовании словенский ученый подробно описывает историю изучения этого произведения, его различные издания и, самое главное, предлагает новое издание краткого поэтического произведения в различных ветвях рукописной традиции. Для восточнославянской ветви ученый отсылает к единственному позднему свидетельству – к кодексу РГБ, f.304.I, N.214 – “Златая цепь” XVI в.³ В то время как сербская традиция ссылается на более

1 Именно А.Ф. Гильфердинг первым идентифицировал РНБ Гильф.2 как четвероевангелие второй четверти или середины XIV в. О датировке см. Турилов 2012:15.

2 Чтобы представить положение исследования в начале нового столетия см. обширную статью, посвященную произведению в Кирилло-Мефодиевской энциклопедии (Станчев, Велинова 2003), в которой работа Нахтигала только упомянута.

3 Сейчас доступна в Интернете по ссылке: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=214&pagefile=214-0359> [8. 8. 2019].

древнее свидетельство – четвероевангелие Хил.23 конца XIII–начала XIV вв.,⁴ учитывая варианты из упомянутого РНБ Гильф.2 и так называемого Радиноного Евангелия, ГИМ Хлуд. 13, восходящего к 1308–1311 гг.,⁵ а также к предшествующим изданиям. Ученый дает возможность проследить точное воссоздание стихотворной структуры произведения, которое сопровождается подробным филологическим анализом, “фонетической транскрипцией” и в конце прилагается ценнейший словник реконструированного текста.

В предисловии Нахтигал внимательно учитывает предложения предшествующих ученых: от И. Франко, Й. Иванова до А.И. Соболевского, но, кажется, игнорирует работу Е. Георгиева (1938) и, подчеркивая трудность реконструкции поэтического сочинения, (к которой мы еще вернемся), сосредоточивается по преимуществу на дискуссии об авторстве. Рассматривая различные возможности: от Константина-Кирилла до Константина Преславского, Нахтигал иллюстрирует сомнения и предложения предшествующих ученых, указывая и на предположение о его первоначальном создании на греческом (П. Лавров). Подчеркнув связи со «Сказанием о письменах» черноризца Храбра и Похвалой Кириллу и Мефодию, Нахтигал приходит к заключению, что произведение, созданное для введения полной версии евангелий, то есть четвероевангелия, восходит к моравской эпохе и не исключает руку Константина-Кирилла.⁶ Это подтверждают не только содержание, но и язык, и прежде всего – архаичная лексика.⁷

Текстуальная реконструкция словенского ученого занимает важное место в истории изучения, прежде всего благодаря тщательному филологическому и лингвистическому анализу, которые ее сопровождают, и является отправным пунктом для последующих реконструкций, предложенных Р. Якобсоном (1954, цитируется по изданию 1963) и А. Вайяном (1956), на которые ссылается чаще. Невозможно проследить подробно все доводы Нахтигала, мы ограничимся лишь отбором некоторых примеров, которые иллюстрируют главные аспекты его реконструкции, чтобы с очевидностью представить его последовательный методологический подход. Прежде чем обсуждать отдельные вопросы, необходимо подчеркнуть, что наиболее древняя

4 Мы отсылаем к подробно аргументированному датированию, предложенному А.А. Туриловым (2012:11–14), даже если традиционно кодекс датируется второй половиной—концом XIII века, приблизительно 1282 г.

5 Ср. Турилов 2012:14. Надо отметить, что новые даты, предложенные Туриловым, хронологически сближают все эти пергаментные рукописи евангелий, которые объединены помимо их сербского происхождения, еще и присутствием литургических памятней восточных славян (Турилов 2012:15).

6 Ср. Nahtigal 1943:51–52. Мы отсылаем к нумерации страниц, указанной внизу.

7 Это видно, например, присутствие в стихе 89, согласно его реконструкции, понятия *неприѣзни*. Интересен и вопрос отношения к понятию *храбрьрь*, которое объясняется на основе синонимии *храбрьрь* / *воинь*, присутствующей в славянской версии священного писания (Nahtigal 1943:52).

южнославянская традиция сохранила текст в его более полной форме, в то время как позднейшая восточнославянская версия свидетельствует о нем только в начальной части (до стихов 44, согласно реконструкции Нахтигала). Несмотря на это, различные исследователи, начиная с Е. Георгиева (1938), считают последнюю более верной оригиналу. Чтобы лучше понять аргументы словенского ученого, сравним их с наблюдениями Вайяна, который постоянно ссылается на исследование и реконструкцию Нахтигала.⁸

Первое, что мы будем учитывать, - это вопрос просодии. Исследуя Проглас, словенский ученый в основном соглашается с суждением Соболевского, по мнению которого, рукописная традиция предлагает измененный текст с лакунами. Это мнение в последующем поддержит и Вайян, считая, однако, что существует возможность преодолеть эти сложности, в противовес Иванову, издателю более древнего свидетельства, который полагал это невозможным.⁹ Приступая к реконструкции Прогласа, словенский ученый в первую очередь считает необходимым идентифицировать форму стиха, проверив ее употребление в различных рукописных свидетельствах.

Общепринятое мнение, что автор привнес в славянское сочинение традиционный стих из византийской гимнографии, которая восходит к стихосложению греческой трагедии, то есть к трехстопному ямбу. По мнению Нахтигала, структура этого стиха, не будучи в состоянии сделать отсылку в славянском тексте на долготу гласных, была строго установлена двенадцатью слогами со стихом, составленным из двух частей: в семь и пять слогов. Цезура, по его мнению, должна была совпадать со смыслом. В последующем Вайян придерживается интерпретации словенского ученого, но предпочитает силлабическую структуру, в которой полустишие из пяти слогов предшествует полустишию из семи слогов. В то время как Нахтигал прилагает усилия, чтобы оставаться близким, по мере возможности, к лекциям рукописной традиции, Вайян проявляет больше свободы, ссылаясь на источники из кирилло-мефодиевской эпохи и вообще черпая из своих обширных лингвистических познаний. Оба однако отмечают присутствие аллитераций и палилогий, типичных в греческой гимнографии. В восьмидесятые годы прошлого века к этой теме обратились К. Станчев и Р. Пиккио. Первый доказал как византийско-славянская гимнография, подражая именно греческой модели трехстопного ямба, в реальности не демонстрирует

8 Французский ученый в своей реконструкции представляет также и перевод на французский Прогласа (Vaillant 1956:21–23). Ранее Франко предложил немецкую версию (Franko 1916:213–214) и Георгиев сопроводил свою реконструкцию переводом на болгарский (1938). Затем Якобсон предложил английскую версию (Jakobson 1954). В более недавнее время Пиккио представил свой вариант реконструкции, которую сопроводил своим переводом на французский (Picchio 1988:315–319).

9 Иванов 1931:339.

никакой строгости в искусстве стихосложения, о чем свидетельствуют разные цезуры и даже стихи, составленные из тринадцати слогов (Станчев 1986). Второй ученый наложил на поэтическую композицию более простую изоколическую структуру на основе логических сегментов, предложенных рукописной традицией (Picchio 1988).

Чтобы понять различие в подходе и в интерпретации, нужно учитывать смелую реконструкцию стихов 16–17, которую предлагает Нахтигал. Если Соболевский отказался предлагать собственную интерпретацию отрывка, то словенский ученый, сравнивая различные рукописные традиции, предлагает два стиха с двумя полустушиями, соответственно в семь и пять слогов.

Єлико бо своихъ // доушь лѣпотѣ
Видить, любите бо // радовати сѧ

В последующем Вайян, вдохновленный этим анализом, выдвинул вариант, который предусматривает первое полустушие из пяти слогов.

Єлико оубо своихъ | доушамъ си лѣпотѣ
Радоуєте сѧ | видѣти и љубите

В особенности интересны наблюдения Нахтигала о слове *лѣпота*, присутствующем в сербском варианте и замененном словом *красота* в восточнославянском варианте,¹⁰ что дает возможность Вайяну еще раз подтвердить, что смысл и ритм должны сочетаться.

Сложнее реконструировать стихи 90–91 – результат довольно оригинальной интерпретации Нахтигала, который существенно удваивает число слогов, создавая два стиха, построенных на слове *Христось*.

Боукъви сѧ, / иже бо приметь
Мѣдрость (томоу) / Христось глаголѣть

Вайян отвечает на это, обращаясь к еще более оригинальной интерпретации, в которой отрицает присутствие слова *Христось*, чтобы создать *lectio difficilior ихъ* (sic!).

Боукъви сѧ | имже приимете,
Мѣдрость ихъ | доуша ваша крѣпить,

Трудности становятся непреодолимыми также от того, что от последней части произведения сохранилось только свидетельство южнославянского

10 Отмечается однако, что в стихе 30 в обеих рукописных традициях выявляется тот же корень (*лѣпо*, *лѣпости*).

варианта. Возможно именно эта абсолютная свобода в реконструкции породила в последующем затруднение Пиккио, который в своем исследовании хотел выделить различие между возможными реконструкциями, которые накладываются на точную стихотворную модель и истинный *constitutio textus*, который надо считать “текст таким, каким мы его знаем”.¹¹ В связи с этим можно отметить, что Вайян, желая точности в подсчетах в своей интерпретации стихотворной структуры, даже считает варианты *чъл-* / *чл-* в форме слова *чловѣкъ*.

Учитывая структуру произведения в реконструкции, предложенной словенским ученым, можно отметить различные интересные повторения (палилогии) терминов, которые принимают на себя ключевую функцию и занимают чаще всего начало стиха, как, например, *даръ* и *слово*, оба вводимые императивом *слышите*,¹² к которому можно было бы добавить еще и трижды повторенное *законъ* (стихи 32–34).

Заслуживает большого интереса и размышление о лингвистических вариантах, предложенное словенским ученым, которое в некотором случае встречает альтернативные предложения или замечания со стороны французского исследователя. Первая и, возможно, самая значительная из правок, предложенных Вайяном, касается начала композиции. Начиная с рукописных свидетельств обеих традиций, Нахтигал предлагает реконструкцию первого стиха, которая начинается со слова *прогласъ*, считающееся названием произведения. Французский ученый, отталкиваясь от отсутствия слова в церковнославянской традиции, предпочитает разночтение *пригласъ есмь* как измененную форму слова *пригласиѣ*, присутствующую в различных славянских источниках.¹³ Кроме того, по мнению Вайяна, речь идет не об одном стихе, но только о названии произведения. Действительно, предложение французского лингвиста вызывает не мало возражений, как за очевидное греческое происхождение славянского *арах*, так и на уровне риторической формы, которая свидетельствует олицетворение Прогласа.

Кроме того, заслуживает внимания употребление слов *къниги* (ср. стихи 31*, 74, 80, 88; *кънижньи*, ср. стих 105) и *боукъви* (ср. стихи 31*, 71, 90): в стихе 31 сербским свидетельствам очевидно противопоставляется восточнославянская

11 Пиккио (Picchio 1988:314) этот строгий подход приводит итальянского ученого к заключению, что помимо самых древних рукописных свидетельств, можно предположить единственное существование некоего анонимного поэтического произведения, построенного на изосиллабизме, который восходит к деятельности первых славянских писателей в эпоху первого болгарского царства. (Picchio 1988:323–324).

12 Сф. Топоров 1995:40.

13 Действительно, в древнеславянском существует только глагол *прогласити* со значением «предсказать» или «запеть» (Цейтлин, Вечерка, Благова 1994, s.v.).

традиция, которая предпочитает первый термин – второму. Краткость восточнославянского фрагмента к сожалению мешает сделать другие сравнения. Словенский ученый осознает сложность проблемы, ссылаясь не только на Учительное Евангелие Константина Преславского, но также на размышления В. Вондрака о вариантах, представленных в добавлениях к лекционарию евангелию (апракосу), чтобы создать четвероевангелие (Vondrák 1925:14–15).

Также ценно и наблюдение о присутствии в поэтическом произведении (стих 63) оппозиции *животъ* / *житие*, которую Нахтигал соотносит с греческой парой ζῳή / βίος. Вайян однако исключает ее по причине недопустимого стихотворного переноса (*enjambement*), выдвигая предположение, которое предлагает отличную реконструкцию, но более далекую от рукописной традиции (Vaillant 1956:17). Более ограниченные замечания Вайяна относительно анализа разночтения *ноздри* (стих 38), которое надо принять как форму множественного числа, а не двойственного (*ibidem*:15) и относительно идентификации слова *невѣгласъ*, которое отсылается к греческому συνιέντος (ср. Мф.13, 19).

Более сложным является филологический комментарий, потому что предложения реконструкции должны относиться к обширной панораме источников Прогласа, простирающихся от священного писания до произведений кирилло-мефодиевской эпохи. И в этом пространстве словенский ученый показывает свою хорошую подготовку в обеих сферах, представляя в различных случаях интересные варианты реконструкции, которые, как раньше, не всегда разделяются Вайяном. Вызывает удивление, например, критика французского ученого предложения сохранять лекцию *въ седьми вѣкъ* (стих 5), присутствующую только в восточнославянской традиции, которую Нахтигал объяснял не только на основе Похвалы Кириллу и Мефодию и древнеславянских житий, как подсказал Франко,¹⁴ но также прибегая к экзегетическим комментариям Болонской Псалтыри и к славянской версии произведения Иоанна Дамаскина под редакцией Иоанна Экзарха (Nahtigal 1943:58–59). Также рассуждение Вайяна об интерпретации *закона кнѣжна* (стих 33) на основе павловской оппозиции между Законом и Благодатью не кажется нам уместным в доводах, развернутых в Прогласе, более верным которым остается Нахтигал. Более уместной нам представляется, например, отсылка к 1 Фес. 4, 5, касающейся стиха 45. Важно отметить и отсылку Нахтигала вслед за Георгиевым (1938)¹⁵ к Житию Константина (VI, 25) об отличие человека от животных (стих 46).

14 Franko 1916:216-217.

15 Учитывая, что работа Георгиева цитируется по рецензии Й. Вайса (1939), можно заключить, что Нахтигал не имел в своем распоряжении монографии болгарского ученого.

Центральная часть Прогласа (стихи 50–55) ссылается на отрывок из 1 Кор. 14, 5–40 о глоссолалии, согласно интерпретации, предложенной Житием Константина XVI, в особенности стиха 19, в толковании которого можно увидеть один из основных доводов кирилловской полемики с латинским клиром.¹⁶ Нахтигал предлагает реконструкцию, которая иллюстрирует адаптацию библейского цитирования к стихотворной форме.

Ѓко хоштѣ словесъ // пать издрешти,
 Съ разоумомъ / (своимъ глаголати),
 Да и всѣ братиѣ // разоумѣють,
 Неже тѣмъ словесъ // неразоумнѣ

Вайян справедливо отмечает, что стих 51 взят прямо из 1 Кор. 5, 18, но прежде всего на основе павловского цитирования связывает Проглас с так называемым Македонским листком, который французский ученый считает “Вступлением к евангелияру”.¹⁷ В последующем Пиккио справедливо увидел в этом отрывке “семантический ключ” произведения.¹⁸

Не менее важна следующая часть, сконцентрированная на евангельской притче о сеятеле. Нахтигал ясно улавливает, что она ссылается на две различных притчи (стихи 57–64 и 65–72), первое, согласно рассказу Матфея (Мф. 13, 3–9, 18–23), второе следует версии Марка (Мк. 4, 26–29). Вайян внимательно анализирует библейские отсылки, особенно подчеркивая связь со стихом Мф. 13, 23, прочитанном в Прогласе в негативном ключе, исправляя на основе версии Марка свидетельство Хил.23 (стих 66). О метафоре дождя Нахтигал справедливо ссылается на Учительное Евангелие Константина Преславского (Nahtigal 1943:109).

Для заключительной тематики битвы против дьявола (*исприѣзнь*, стихи 80–100) важно сделать ссылку на метафору Павла (Еф. 6, 10–17). В стихе 93 Нахтигал предлагает в особенности изменить единственное число *апостоль* на множественное, однако, спрашивается, не было бы предпочтительнее сохранить единственное число как отсылку к апостолу Павлу, который в своем Послании к Ефесянам цитирует разных пророков. Кроме того, кажется интересной догадка, предложенная Вайяном, исправить *въ снѣ* (стих 98) на *ѣко сѣно*, которое является отзвуком 1 Пет. 1, 24: *плѣти жеже | ѣко сѣно*.

16 Ср. Garzaniti 2001.

17 Французский ученый подчеркивает в этом тексте различную интерпретацию павловского отрывка вслед за толкованием Дионисия Ареопагита. Недавно мы предложили некоторые размышления о сложности византийского толкования касательно этого павловского отрывка (Garzaniti 2018).

18 Picchio 1988:323.

Конечно, сегодня обширный филологический, лингвистический и литературный анализ, предложенный Нахтигалом, также как и размышления Вайяна, необходимо подвергнуть неизбежному пересмотру на основе произошедшего прогресса в исследованиях о древнеславянском языке и о кирилло-мефодиевских источниках. Не следует также забывать и предупреждения, высказанные Пиккио. В последние десятилетия, кроме того, вслед за Якобсоном, который продолжил работать над старославянским поэтическим наследием, участилось размышление о литературной структуре произведения и о его значении.¹⁹

Мы убеждены, что было бы важно проанализировать функцию текста и его место внутри кодексов,²⁰ и изучить если и как в литургических греческих книгах, но прежде всего в переводах использовались введения. Имеется в виду, например, присутствие акростиха Григория Богослова в греческой традиции псалтыри, но также в арабской версии этой литургической книги.²¹ Это помогло бы прояснить серию внутренних знаков, присутствующих в Прогласе, таких как имена евангелистов и притчи о семени-слове. В то же время необходимо учитывать также и ее позднюю рецепцию, как экзегетического текста, как это доказывает его присутствие в восточнославянском сборнике «Златая цепь».

Кроме того должна быть изучена возможная функция Прогласа в контексте кирилло-мефодиевской миссии и ее наследия в переходе из Моравии в Болгарию, не только идентифицировав повторение библейских отрывков и их интерпретацию в кирилло-мефодиевских источниках, но вставляя эти данные в совокупность коммуникативных стратегий славянской миссии. Эта стратегия должна была базироваться на традиционной византийской экзегезе, которая циркулировала в Константинополе в годы патриарха Фотия и должна была подтолкнуть лучше сконцентрировать внимание ученых внутри общих горизонтов классической патристики, начиная с теории духовных чувств Оригена и, с другой стороны, глубже понять личное предпочтение Константина-Кирилла к Григорию Богослову. Именно поэтому недавно мы ссылались на роль вышеназванной греческой антологии *Soterios*, оригинала Сборника Симеона, который был составлен в Константинополе в годы патриарха Фотия. В этом сборнике, в особенности в вопросе LXV, дается

19 Значительный вклад внесло обширное исследование В.Н. Топорова, начатое в 70-е годы, которое предлагает свою реконструкцию и тщательно анализирует некоторые аспекты структуры сочинения, в особенности, роль первого слова стиха и первого стиха, и прежде всего формальное переплетение цитат по принципу “мозаики” (Топоров 1995:17–256, о реконструкции, Топоров 1995:33–36).

20 Думается о его присутствии в наиболее древнем кодексе Хил.23, из которого мы сегодня знаем, что Пант.78 представляет фрагмент (ср. Турилов 2012:408, 418).

21 Perreau 1877:201.

явная отсылка как на тему глоссолалии, так и на притчу о семени, которую мы выявили в центральной части Прогласа.²²

В ожидании более подробного толкования Прогласа на фоне византийской экзегезы, необходимо подтвердить, что исследование Нахтигала и его реконструкция текста представляют еще и сегодня обязательную точку отсчета при изучении этого важного свидетельства о кирилло-мефодиевской миссии и о ее наследии.

Перевод Н.Н. Жуковой

Литература

- Георгиев, Е., 1938: *Две произведения на св. Кирила. Към въпроса за книжовната дейност на славянския първоучител. Истор-лит. проучване*. София: Култура.
- Иванов, Й., 1931: *Български старини из Македония*. София: Държавна печатница.
- Станчев К., 1986: Ритмичната структура на Кириловия Проглас към Евангелието и на произведенията от Преславския стихотворен цикъл (Старобългарският изосилабизъм). *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata*, Т. 2, Roma: Edizioni dell'Ateneo, 645–652.
- Станчев, К., Велинова, В., 2003: Проглас към евангелието. П. Динеков, Л. Гашева, С. Николова. *Кирило-Методиевска енциклопедия*. Т.3. София: Българска академия на науките, 336–340.
- Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благова Э., 1994. *Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)*. Москва : Русский язык.
- Топоров, В. Н., 1995: *Святые и святость в русской духовной культуре*. Т. I: *Первый век христианства на Руси*. Москва: Языки русской культуры.
- Турилов, А. А., 2012: Сербские отрывки XIII—XIV вв. библиотеки Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. А.А. Турилов. *Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*. Москва: Знак, 406–422.
- Franko, I., 1916: *Kleine Beiträge zur Geschichte der kirchenslavischen Literatur*. II. Vorrede zum Evangelium“. *Archiv für slavische Philologie* 34, 201–217.
- Garzaniti, M., 2001: Sapienza del vangelo ed esegesi scritturale nell'opera di Cirillo e Metodio. *Russica Romana* 8, 37–43.

22 Cp. Garzaniti 2018.

- Garzaniti, M., 2018: Хощоу пѣть словесъ... Parlare in lingue e insegnare nella tradizione esegetica bizantina ai tempi di Cirillo e Metodjo. Кирило-Методиевски студии 26, Софiя: Българска академия на науките, 19–28.
- Jakobson, R. 1963², 1954¹: St. Constantine's Prologue to the Gospels. *St. Vladimir Seminary Quarterly* 7/1, 19–23.
- Nahtigal, R. 1943: Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvornih pesnitev. II. Proglas k svetemu evangeliju. *Razprave I, Filoz.-filol.-hist. razred, Akad. znan. in umetn. I, Ljubljana*, 36–82.
- Perreau, J., 1877: Ragguaglio dei Codici arabi del Collegio Urbano Di Propaganda fide. *Bollettino italiano degli studii orientali* 1/1, 198–206.
- Picchio, R., 1988: Quelques remarques sur l'interprétation du Proglas. *Revue des études slaves* 60, 2, 313–324.
- Vaillant, A., 1948: La Préface de l'Évangélaire vieux-slave. *Revue des études slaves* 24/1-4, 5–20.
- Vaillant, A., 1956: Une poésie vieux-slave. La Préface de l'Évangile. *Revue des études slaves* 33/1–4, 7–25.
- Vajs, J., 1939: Емилъ Георгиевъ, Две произведения на св. Кирила. Софiя, 1938. (Studia historico-philologica Serdicensa, Supplementi vol.II). *Slavia* 17, 558–567.
- Vondrák, V., 1925: O ksl. překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopisech (zvláště též v Nik., Nik.b. a Hval). *Daničičev Zbornik*, Beograd, Ljubljana: SKA 1925 (Posebna izdanja Srpske Kraljevske Akademije 55), 9–27.

Summary: R. Nahtigal, *Proglas k svetemu evangeliju* (1943). A Proposal for the Textual Reconstruction

Throughout the 20th century, some important studies on the Prologue to the Gospels (*Proglas*) were conducted. The essay written by R. Nahtigal (1943) offers an edition of the short poem in accordance with the various branches of the Eastern Slavic and Serbian manuscript tradition, alongside an accurate reconstruction based on its verse structure, accompanied by a broad and comprehensive philological commentary. At the end, there is a glossary of the reconstructed text which is of particular value. Comparison with subsequent studies and textual analysis highlights the importance of Nahtigal's research around reconstruction of the Prologue, which is considered to be the first poetic composition in Church Slavonic language.

Key words: Prologue to the Gospels, Church Slavonic Literature, Cyrillo-methodian mission, Church Slavonic Bible